

МЕТАМОДЕРНИЗМ КАК КУЛЬТУРНАЯ ЛОГИКА ЭПОХИ КРИЗИСА

Н. М. Мухамеджанова

Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Одной из философских концепций XXI в. становится метамодернизм, обусловленный кризисными процессами, с которыми столкнулось современное человечество. Поворот к духовности, субъективности и трансцендентности, характеризующий метамодернизм, становится и «аксиологическим поворотом» — возрождением ценностей, подвергшихся тотальной деконструкции в культуре постмодернизма. Именно в этой возможности «смещения акцентов» и переоценки приоритетов — позитивный смысл современного кризиса.

Ключевые слова: *метамодернизм, постмодернизм, кризис, духовность, субъективность, трансцендентность, ценности, новая культура.*

Современная эпоха характеризуется крайней нестабильностью и неопределённостью, а также небывалым ускорением всех социокультурных процессов в мировом масштабе. Казалось бы, ещё совсем недавно по меркам исторического времени, в 1989 г., американский политолог Ф. Фукуяма, вдохновлённый развалом коммунистической империи и окончанием противостояния двух идеологических систем, провозгласил Конец истории, имея в виду, что история как хроника эволюционного прогресса человечества достигла той формы общественного устройства, когда наконец оказались решёнными наиболее фундаментальные и глубокие проблемы, затрагивающие всё человечество. Ощущение Конец истории стало питательной почвой культуры постмодернизма, объявившего смерть смысла, авторитетов и великих нарративов, выразившего недоверие к разуму и прогрессу и провозгласившего базовыми принципами современной культуры деконструкцию, нигилизм, иронию [6].

Однако слухи о Конец истории оказались явно преувеличенными: уже в 1990-е гг. многие западные интеллектуалы пишут о конце постмодернизма и возвращении культуры (и особенно искусства) к историчности, трансцендентности, духовности, искренности и т. д. В западной гуманитаристике возникают многочисленные концепции постпостмодернизма, ультрамодернизма, гипермодернизма, трансмодернизма, неомодернизма, сверхмодернизма и других «-измов», описывающих состояние актуальной культуры в XXI в. Одной из таких концепций становится и концепция метамодернизма, которую необходимо рассматривать не как альтернативу постмодернизму,

но как один из множества вариантов описания и объяснения современной нам культуры. Суть данной концепции излагает Люк Тёрнер в своём «Манифесте метамодерниста» 2011 г. [14].

Предпосылками появления концепции метамодернизма, как и многих других, названных выше, стали те кризисные процессы, с которыми столкнулось человечество в новом тысячелетии и которые доказывали, что история не закончилась — она совершает новый поворот. К возникновению «нового режима историчности в культуре» [4. С. 85] привели такие социокультурные процессы, как активное развитие и распространение новых цифровых технологий, их доступность и массовость; многочисленные террористические акты, с которыми столкнулся западный мир в XXI в. и самым страшным из которых стал теракт 11 сентября 2011 г.; Арабская весна и войны на Ближнем Востоке, дестабилизирующие ситуацию во всём регионе; рост иммиграционных потоков и крах политики мультикультурализма, приведшей к возрождению националистического популизма в европейских странах; спад мировой гегемонии США, финансовые кризисы, растущее углубление экономического неравенства, загрязнение окружающей среды и угроза экологической катастрофы и, наконец, пандемия 2019–2021 гг., последствия которой миру ещё только предстоит оценить. Эти события, затронувшие всё человечество, подорвали саму основу постсовременности с её антиантропоморфизмом, скептицизмом, холодной отстранённостью и т. д.

Крах надежд на Конец истории оказался и крахом постмодернизма, поскольку постмодернист-

ская культурная логика оказалась неспособной справиться с проблемами современной социокультурной ситуации, а беспристрастное, ироничное отношение к миру, характерное для постмодернизма, в новых исторических условиях представляется избитым и утомительным. Доминирующей культурной логикой западных обществ в эпоху глобального капитализма становится метамодернизм, основанный на ощущении «поворота Истории» и пытающийся найти для своих рассуждений о современной культуре более прочную эмоциональную, творческую и политическую почву.

Метамодернизм обращается к обсуждению «исключительно старых человеческих истин, связанных с духовностью, чувствами, обществом и идеями, которые авангард посчитал бы слишком старомодными... стремится восстановить то, что постмодернизм нарушил или погубил» [4. С. 234], он обращается к этическим, социальным, политическим и пр. вопросам, которые в современном глобализованном мире носят насыщенный и безотлагательный характер. Если в постмодернизме объявляется «смерть субъекта», то в метамодернизме происходит возвращение аффекта, субъективности, глубины. Метамодернизм «пытается выразить новое ощущение «я» — «я», больше не одинокого и не отгороженного от себя; «я», остро осознающего присутствие и близость других людей, обогащающих и в то же время разрушающих миры солипсистского опыта...» [4. С. 283].

Метамодернизм не отрицает постмодерн как альтернативная культурная логика, он «смещает акценты» и постоянно «мерцает», «пульсирует» — то есть колеблется между двумя полюсами — постмодернистским и домодернистским (часто и модернистским), колеблется между энтузиазмом и иронией, сарказмом и искренностью, эклектикой и чистотой, между созиданием и разрушением, ответственностью и отстраненностью, наивностью и осознанием себя... Он использует приёмы, формы и представления, характерные для реализма, модернизма и постмодернизма, но использует их в своих целях; использует, чтобы иначе понять настоящее и увидеть будущее.

Эти тенденции наиболее отчётливо проявляются в современном искусстве, особенно в литературе — сфере наиболее чувствительной к тонким вибрациям современной эпохи. Поэтому метамодернизм остаётся пока преимущественно эстетической концепцией. Однако переход

от «холодного» эмоционального фона постмодерна к «тёплому» эмоциональному стилю метамодерна отмечается и в политике, экономике, этической сфере, поскольку современное общество как никогда раньше нуждается в оптимизме, искреннем участии, надежде, личных чувствах и межличностных связях: «В сотрясаемом кризисами мире субъектами опять же движет стремление к отношениям с другими и их окружением (хотя между своими и чужими, равно как между тем, что внутри, и тем, что снаружи, пролегают границы). В такой хрупкой, фрагментированной реальности смещённое с центральных позиций «я» утверждает себя, обретая основу для своей субъективности в живом опыте, а также во взаимодействии наших тел и окружающей среды» [4. С. 315].

Таким образом, «поворот Истории» оказывает также и антропологическим поворотом, обусловленным кризисными процессами в современном мире. А в ситуации кризиса человек заново обращается к самому себе, критически анализирует способы своего бытия и самореализации, стремится заново осмыслить свою сущность и место в этом мире. Это означает, что поворот к чувственности, духовности, субъективности и трансцендентности, отмечаемый в метамодернизме, может стать и «аксиологическим поворотом», то есть привести к возрождению ценностей, подвергшихся тотальной деконструкции в культуре постмодернизма.

Как утверждают теоретики социокультурной синергетики, в моменты бифуркации, то есть крайне нестабильного, неравновесного состояния социокультурной системы, именно ценности выступают как структура-аттрактор, определяющая её самодистраивание и выход из нестабильного состояния к качественно новому состоянию. Кризисная ситуация позволяет человеку осознать истинные масштабы того, за что ему стоит бороться в этой жизни, отличить существенное и важное от несущественного и неважного; понять, что, только объединившись с другими людьми, он может обеспечить своё будущее. Однако для осознания жизненно важных приоритетов ему нужна некая постоянная система эталонов, с позиций которой оценивается вся поступающая извне информация. И такой системой эталонов выступают интериоризированные личностью ценности — «своеобразные маяки, помогающие заметить в потоке информации то, что наиболее важно (в позитивном или негативном смысле) для

жизнедеятельности человека; это такие ориентиры, придерживаясь которых человек сохраняет свою определённую, внутреннюю последовательность своего поведения» [7. С. 471].

Ценности — наиболее сложный, истинно «человеческий», стимул поведения и причин социального действия человека. Это «то, что должно, что соответствует представлению о назначении человека и его достоинстве, те моменты в мотивации поведения, в которых проявляется самоутверждение и свобода личности... Без них нет ни подвига, ни понимания общественных интересов, ни подлинного самоутверждения личности» [1. С. 160–161]. Ценности — это ось человеческого сознания, которая обеспечивает устойчивость личности, преемственность в её поведении и деятельности. По утверждению психологов, «именно позитивные, ценностные эмоциональные переживания и составляют тот «материал», ту «пищу», которые восстанавливают психическую энергию и поддерживает жизненный дух человека» [9. С. 11]. В то время как эмоции тревоги и страха, сопровождающиеся повышенным выбросом адреналина в кровь, в буквальном смысле отравляют организм человека.

Аутентичным способом существования человека является способ существования, ориентированный на высшие ценности, составляющие систему координат «самоактуализирующейся личности» (А. Маслоу), обладающей способностью к эмпатии, к трансцендированию собственного «Я», способностью любить, сострадать и сочувствовать. Аутентичный способ существования человека — способ существования, тождественный человеческой природе, — открывается человеку в моменты социальных катаклизмов и острых, предельных эмоциональных переживаний, когда человек должен осуществить адекватный высшим ценностям выбор из множества возможностей и принять ответственность за свой выбор. Именно такие трудные, зачастую невыносимые, ситуации мобилизуют жизненные силы личности, когда объединяются разум, воля и чувства человека, становясь внешним «толчком» развития человека и обретения им новых, иногда непредсказуемых качеств.

Ценностно-нормативная система общества — это его внутренний стержень, объединяющий различные социальные группы и общности. Без неё невозможна ни солидарность, ни взаимопонимание, ни плодотворное сотрудничество, ни развитие общества. Как показывает исторический

опыт, ни одно общество не в состоянии справиться с кризисом, если разрушена его ценностно-нормативная система [10. С. 17], поскольку именно ценности выступают как системообразующее свойство социальных систем.

Совокупность ценностей, разделяемых тем или иным обществом, составляет его социальный капитал. Это такие ценности, как честность, толерантность, сотрудничество, выполнение принятых обязательств и др. Известный американский политолог Ф. Фукуяма определяет социальный капитал «как набор неформальных ценностей или норм, которые разделяются членами группы и которые делают возможным сотрудничество внутри группы. Если члены группы смогут рассчитывать на то, что другие будут вести себя честно и на них можно будет положиться, то они смогут доверять друг другу. Доверие подобно смазке, которая делает работу любой группы или организации более эффективной» [12. С. 30]. Таким образом, мерой социального капитала является степень доверия в обществе, обеспечивающая спонтанный социальный порядок: «...чем более непререкаемы и общепризнаны эти ценности, тем сильнее общество и выше уровень общественного доверия» [Там же. С. 130].

В современных обществах, прежде всего западных, переживающих процесс постиндустриальной трансформации, фиксируется значительный упадок социального капитала, показателями которого становится рост преступности и конфликтности в обществе, кризис семьи и семейно-брачных отношений, рост недоверия в деловых, профессиональных, межличностных отношениях и др. Кризис доверия в обществе обусловлен общими тенденциями развития культуры в период 50–90-х гг., наиболее значимыми из которых стали процесс секуляризации и усиление индивидуалистических настроений в общественной жизни, а также огромные изменения в ценностях европейских обществ, связанные с влиянием на общественное сознание, во-первых, стандартов и образцов массовой культуры, во-вторых, философско-антропологических идей, начиная с Ф. Ницше и М. Хайдеггера и заканчивая Ф. Басом, М. Мид, Р. Бенедикт, М. Херсковицем и др. Эти идеи «становятся лозунгом для последующих поколений релятивистов под знаменем деконструкции и постмодернизма» [12. С. 108]. Следствием данных процессов становится культурный релятивизм, основанный на утверждении об относительности и произвольности любых

ценностей и норм, об отсутствии универсальных норм морали и способов их оценки и интерпретации, об отсутствии рациональных оснований для этических и моральных суждений и т. п. [12. С. 213].

Однако, как отмечает тот же Ф. Фукуяма, уже в 1990-е гг. (время, когда западные исследователи-гуманитарии заговорили о конце постмодернизма и возвращении культуры к историчности, аффекту и глубине) в обществах Запада начинается процесс возрождения ценностей и обновления норм в политической, этической, религиозной и других сферах, что сопровождается ростом определённых типов социального капитала. Источником роста социального капитала становится церковь как важнейший институт, формирующий доверие человека к миру; семья и образовательная система общества, способствующие социализации подрастающего поколения и воспитанию ответственных граждан своей страны; политика государства, базирующаяся на «универсальном признании человеческого достоинства — сущностного равенства всех людей, вытекающего из их способности к моральному выбору» [12. С. 380].

Человечество находится в кризисной ситуации, и результатом её понимания и осмысления должна стать не ирония и сарказм, а сострадание и солидарность. Современное общество нуждается в солидарности, и уровень этой солидарности должен расти от эпохи к эпохе вместе с усложнением тех задач, которые стоят перед современным обществом. Метапостмодернизм демонстрирует усталость человечества от тотальной иронии, невозможности метатарасказов и великих идей, от холодности, нигилизма и релятивизма постмодернизма. Метапостмодернизм есть проявление стремления к великой традиции с её подвигами и героями, приключениями и путешествиями, самоотверженностью и жертвенностью. Эта потребность изначально заложена в природе человека: «Фундированность (оправданность) наших идей предопределена не онтологически, а антропологически: мы остаёмся верны своему проекту не потому, что осуществимость его обещана самой структурой мира, а для того чтобы спасти свою душу в абсурдном мире» [8. С. 21]. Потребность в системе ориентации и поклонения, в солидарности и братстве Э. Фромм относил к экзистенциальным потребностям человека, без удовлетворения которых невозможно ни здоровое общество, ни здоровье отдельного человека [11. С. 45–53].

В России «мода» на постмодернизм пришла значительно позже, чем на Западе: в условиях полной закрытости российское общество фактически не имело возможности усвоения и использования западных концепций и подходов к анализу современной культуры. Свообразным фильтром, препятствующим проникновению постмодернистских идей, выступала также идеология, задающая великие цели построения «идеального общества» и объединяющая миллионы людей. Если в европейской культуре начало постмодернистских идей относят к 1960–1970-м гг., то в России первые публикации и обсуждение концепций постмодернизма появляются только на рубеже 1980–1990-х гг. И хотя Россия того периода ещё находилась в ситуации «незавершённого модерна», идеи деконструкции, девальвации ценностей и норм, дискредитации «больших проектов» и великих целей, легитимирующих тотальный контроль над человеком, оказались весьма созвучными той ситуации социокультурного хаоса, которая сложилась в российском обществе в результате крушения коммунистической идеи и всей социалистической системы.

Отсутствие единой ценностно-нормативной системы ориентации для русского человека особенно болезненно: как доказывают отечественные исследователи, для русского человека характерна ценностная рациональность, в отличие от представителей западных обществ с преимущественно целерациональным типом мотивации социального действия. Русский человек нуждается в цели, превышающей его индивидуальное бытие, должен чувствовать себя причастным к жизни общества, должен осознавать, что его жизнь имеет смысл и он не зря живёт. Будучи «запертым» в тесной сфере своих эгоистических интересов, он чувствует себя как дикий зверь, посаженный в клетку: «Его регулярно кормят и даже витамины дают, — с голоду он не умрёт, но и жить не сможет» [3. С. 183].

Кроме того, сама кризисная ситуация в мире, в том числе в России, способствуют возрождению традиционных ценностей культуры, поскольку, как показывают психологические исследования, осознание человеком реальной угрозы его жизни и жизни его близких, актуализирует присущий всему живому инстинкт самосохранения (выживания), который в свою очередь порождает сплочённость массы, групповую солидарность, способную обеспечить защиту: «При общей угрозе

ей кажется безопаснее, если каждый чувствует рядом другого» [2. С. 379].

Однако этот процесс может иметь и негативные последствия. То глубокое недоверие к миру, которое возникает в условиях тяжёлых жизненных испытаний, может вызвать настойчивое желание «сильной руки» и «сильной власти» как наиболее эффективного способа решения возникших проблем; «желание поддаться тоталитарной и авторитарной иллюзии целостности, заданной заранее, с одним лидером во главе единственной партии, с одной идеологией, дающей простое объяснение всей природе и истории, с одним безусловным врагом, который должен быть уничтожен одним централизованным карательным органом» [13. С. 94].

В силу действия названных факторов тенденции, отмечаемые в современной культуре западными авторами концепции метамодернизма, накладываясь на культурную специфику России, вызывают в российской культуре инверсионные колебания между домодерном, модерном и постмодерном — между отрицанием прошлого опыта и ностальгией по прошлому, между либерализмом западного образца и «родным» исконным авторитаризмом, между традиционными ценностями соборности и имперского величия и ценностями свободы и плюрализма постсовременности, между стремлением укрыться в «тепле коллектива» и продуктивным индивидуализмом. В данном случае речь может идти не об альтернативном выборе по принципу «или — или», осно-

ванном на дихотомическом противопоставлении домодерна и модерна, но о совмещении их черт, преодолевающим негативные проявления каждого из них [5. С. 86].

Таким образом, главная идея постмодернизма — неприятие и переконструирование мира — идея, ставшая фактором разрушения самой культуры и личности, не отвечает потребностям и запросам современной эпохи [6]. Однако подобное разрушение трактуется многими мыслителями как необходимое условие последующего «собирающего» и конструирования нового здания культуры и новой личности. Постмодернизм — это посткультура, то есть переход культуры к чему-то новому, ранее не бывшему; расшатывание, деконструирование, разрушение культуры как некоей могучей, стройной и упорядоченной целостности; руины Храма, на месте которых должно вырасти нечто новое. И контуры будущего культуры «угадываются» сегодня в метамодернизме, ставшим доминирующей культурной логикой эпохи глобального капитализма. Метамодернизм — провозвестие, «предчувствие» новой культуры. В современной кризисной ситуации человечество нуждается в возрождении традиционных ценностей культуры — ценностей солидарности, взаимопомощи, милосердия, самоотверженности и жертвенности — ценностей, которые должны стать основанием будущей культуры. Именно в этой возможности «смещения акцентов» и переоценки приоритетов — позитивный смысл современного кризиса.

Список литературы

1. Здравомыслов А. Г. Потребности. Интересы. Ценности. М. : Политиздат, 1986. 233 с.
2. Канетти Э. Масса и власть. М. : Изд-во АСТ, 2019. 576 с.
3. Касьянова К. О. О русском национальном характере. М. : Ин-т нац. модели экономики, 1994. 367 с.
4. Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма / Р. ван ден Аккер. — М. : РИПОЛ классик, 2002. 496 с.
5. Мухамеджанова Н. М. Модернизация как культурно-антропологическое понятие // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2018. № 4(90). С. 83–86.
6. Мухамеджанова Н. М. Постмодернизм как деконструкция ценностных оснований культуры // Социально-гуманитарные инновации: стратегии фундаментальных и прикладных научных исследований : материалы Всерос. науч.-практ. конф., 29–30 мая 2019 г., Оренбург. Оренбург : ОГУ, 2019. С. 649–655.
7. Ольшанский В. Б. Личность и социальные ценности // Социология в СССР : в 2 т. Т. 1. М. : Мысль, 1996. С. 470–530.
8. Панарин А. С. Искушение глобализмом. М. : Эксмо-Пресс, 2002. 416 с.
9. Психология личности в условиях социальных изменений. М. : Ин-т психологии РАН, 1993. 103 с.
10. Федотова В. Г. Хорошее общество. М. : Прогресс-Традиция, 2006. 544 с.

11. Фромм Э. Психоанализ и этика. М. : Республика, 1993. 415 с.
12. Фукуяма Ф. Великий разрыв. М. : АСТ, 2003. 474 с.
13. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М. : Прогресс, 1996. 344 с.
14. Turner L. Metamodernist Manifesto // Metamodern. 2011. URL: <http://www.metamodernism.org/> (дата обращения: 09.03.2021).

Сведения об авторе

Мухамеджанова Нурия Мансуровна — доктор культурологии, доцент, профессор кафедры философии, культурологии и социологии, Оренбургский государственный университет. Оренбург, Россия. nuriyam@yandex.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2021. No. 5 (451).
Philosophy Sciences. Iss. 60. Pp. 77–83.*

METAMODERNISM AS A CULTURAL LOGIC OF THE ERA OF CRISIS

N.M. Mukhamedzhanova

Orenburg State University, Orenburg, Russia. nuriyam@yandex.ru

One of the key philosophical concepts of the 21st century is metamodernism, conditioned by the crisis processes that modern mankind has encountered. From the standpoint of the author, the turn towards spirituality, subjectivity and transcendence, which characterizes metamodernism, also becomes an “axiological turn” — the revival of values that have undergone total deconstruction in the culture of postmodernism. The postmodern idea of rejection and re-construction of the world, which has become a factor in the destruction of culture itself, does not meet the needs and demands of the modern era. However, such destruction is a necessary condition for the subsequent “gathering” and construction of a new culture. In the current crisis, humanity needs to revive the values of solidarity, mutual assistance, mercy, dedication and sacrifice — values that should become the foundation of future culture. Therefore, metamodernism is a proclamation, a “presentiment” of a new culture. It is the possibility of “shifting emphasis” and re-evaluating priorities that makes the positive meaning of the current crisis.

Keywords: *metamodernism, postmodernism, crisis, spirituality, subjectivity, transcendence, values, new culture.*

References

1. Zdravomyslov A. G. (1986) *Potrebnosti. Interesy. Cennosti* [Needs. Interests. Values]. Moscow, Political publishing house. 233 p. [in Russ.].
2. Kanetti E. (2019) *Massa i vlast'* [Mass and Power]. Moscow, Publishing house AST. 576 p. [in Russ.].
3. Kasjanova K.O. (1994) *O russkom nacionalnom haraktere* [About Russian national character]. Moscow, Institute of national models of economics. 367 p. [in Russ.].
4. *Metamodernizm. Istorichnost, Affekt i Glubina posle postmodernizma*. R. van den Akker (2002) [Metamodernism. Historicity, Affect and Depth after Postmodernism / R. van den Acker]. Moscow, RIPOL classic. 496 p. [in Russ.].
5. Mukhamedzhanova N.M. (2018) *Istoricheskie filosofskie politicheskie i juridicheskie nauki kulturologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice], vol. 4 (90), pp. 83–86. [in Russ.].
6. Mukhamedzhanova N.M. (2019) *Socialno-gumanitarnye innovacii strategii fundamentalnyh i prikladnyh nauchnyh issledovanij materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii 29–30 maja 2019 g. Orenburg*. [Social and humanitarian innovations: strategies for fundamental and applied scientific research: materials of the All-Russian scientific and practical conference, May 29–30, 2019]. Orenburg, OSU. Pp. 649–655. [in Russ.].
7. Olshanskij V.B. (1996) *Sociologija v SSSR: v 2 t.* [Sociology in the USSR: in 2 volumes]. Vol. 1. Moscow, Think. Pp. 470–530. [in Russ.].

8. Panarin A.S. (2002) Iskushenie globalizmom [Temptation by globalism]. Moscow, EKSMO-Press. 416 p. [in Russ.].
9. Psihologija lichnosti v uslovijah socialnyh izmenenij (1993) [Psychology of personality in conditions of social change]. Moscow, Institute of Psychology RAS. 103 p. [in Russ.].
10. Fedotova V.G. (2006) Horoshee obschestvo [Good society]. Moscow, Progress-Tradition. 544 p. [in Russ.].
11. Fromm E. (1993) Psihoanaliz i etika [Psychoanalysis and ethics]. Moscow, Republik. 415 p. [in Russ.].
12. Fukujama F. (2003) Velikij razryv [The Great Disruption]. Moscow, AST. 474 p. [in Russ.].
13. Erikson E. (1996) Identichnost: junost i krizis [Identity: youth and crisis]. Moscow, Progress. 344 p. [in Russ.].
14. Turner L. (2011) Metamodernist Manifesto. *Metamodern*. Available at: <http://www.metamodernism.org/>, accessed 09.03.2021.